

ОТ АВТОРА

Статьи, объединенные в этом сборнике, написаны в 1989 – 1994 годах, когда под влиянием бурных революционных событий автору пришлось поменять выработанные в «застойный период» жизненные и научные планы, по которым, например, работа типа «Наши тревоги и всемирная история» должна была появиться еще очень нескоро, после долгих предварительных работ и в значительно более серьезной форме. Я изменил свои планы прежде всего потому, что наше развитие, как мне все более становилось очевидным, пошло по опасному курсу и «гражданский долг» велит мне приложить имеющиеся в моем распоряжении скудные силы к тому, чтобы этот курс изменить. В 1990 г., после долгих лет занятий относительно «экзотической» религиоведческой проблематикой, я окончательно перешел к проблематике тогда еще – советской, но вскоре ставшей постсоветской, а после августовского путча я преодолел еще один трудный для человека сугубо академического генезиса и психологического склада барьер и стал активно сотрудничать в газетах.

Тревожное состояние в конце перестроечного периода было едва ли не у всех, но в зависимости от психологического типа, социального положения и мировоззрения тревоги разных людей были очень различны. Мои тревоги в большой мере отличались от тревог большинства моих друзей и знакомых, людей моего возраста и социального круга. Я не боялся многого из того, чего опасались они, и, наоборот, страшился того, чего они не боялись.

Может быть, в силу каких-то психологических особенностей, может быть, потому что я по образованию – античник и религиовед, что порождает некоторую «отстраненность» от современности, в моем отношении к советской власти было значительно меньше той подавленной злобы, которая была так характерна в «застойные годы» едва ли не для большинства нашей интеллигенции, в том числе и для ее очень преуспевающих представителей, писавших вполне конформистские марксистские работы, постоянно бывающих за границей, вызываемых на разные совещания в ЦК и т. д. Мое отношение к режиму и его официальной идеологии в эти годы можно сформулировать приблизительно следующим образом:

«Всякие были в истории государства, режимы и религии. Я живу вот при таком режиме и такой официальной идеологии /религии/ в период их очевидного упадка. Время и место, может быть, не самые лучшие, но и не самые худшие. Жили люди и в древнем Египте и в государстве ацтеков и сейчас живут в какой-нибудь Экваториальной Гвинее. Мой долг как ученого – стремиться максимально понять и высказать правду, поэтому для меня неизбежен постоянный конфликт с господствующей идеологией. Но такой конфликт был бы практически везде и всегда, это – просто норма для любого человека, стремящегося что-то понять». И поскольку особо больших често-, власто- и корыстолюбии у меня нет и особо сильного цензурного гнета в силу некоторой «экзотичности» и периферийности моей проблематики я не испытывал, жил я довольно спокойно, расстраиваясь только тем, что не могу посмотреть другие страны, но и не очень-то расстраиваясь, воспринимая это как нечто вроде неприятного ограничения, к которому надо привыкнуть.

Я был давно и глубоко убежден, что советская власть обречена и ее эволюция – это просто ее умирание. Никаких «закручиваний гаек» и тем более «возвращения сталинского террора», которых боялись многие, я не боялся, видя, что мускульных сил, необходимых для такого закручивания, нет и единственное возможное направление развития – это направление, которое я шуточно определял в то время как «коррупцию, постепенно переходящую в либерализм». И так же как я был убежден, что советская власть практически уже умерла и ничего особенно страшного от нее исходить не может, я был уверен, что единственный общечеловеческий путь развития – это «западный» и что это – не путь от плохого к хорошему, не путь к счастью, а просто путь, по которому идут все, в том числе и мы, чтобы мы при этом ни думали, как бы ни сопротивлялись и в какие бы «ямы» типа Октябрьской революции ни проваливались. Но не боясь ни советской власти, ни неизбежного отдаленного постсоветского демократического будущего, я очень боялся перехода, того, что моим детям, а может быть, и мне самому, придется пережить период революционного катаклизма с его неизбежными кровью и яростной глупостью и что революция может привести к новой, пусть относительно кратковременной, тоталитарной вспышке. Я придумывал тогда всякие шуточные названия и фразы из этого гипотетического тоталитарного будущего, типа «сельскохозяйственная община имени святого Сергия Радонежского», которая вывела новый сорт кукурузы, любовно названной «белогвардейской» и т. д. Я был уверен, что самая страшная опасность – именно эта, а не опасность, исходящая от уже дыша

щего на ладан старика – Советской власти, и избежать ее можно лишь начав планомерные демократические реформы сверху.

Поэтому естественно, что пришествие Горбачева я воспринял с громадной радостью и облегчением. Его так восприняли очень многие, но скоро у меня снова возникли разногласия с большинством моих друзей и знакомых. Всем стало казаться, что Горбачев медлит и не решается на радикальные преобразования, после которых мы стали бы жить не хуже американцев или каких-нибудь шведов. Мне же, наоборот, казалось страшным, что он делает слишком крутой вираж и теряет управление, что начинается безумие и той революции, которую можно и нужно было бы избежать, мы все же не минуем. В то время существовал популярный клуб «Московская трибуна». Я иногда ходил туда и каждый раз ужасался безответственности и просто глупости «революционной толпы», состоящей из докторов наук и академиков. Я не выступал, ибо понимал, что это совершенно бессмысленно. Меня все больше охватывало чувство бессилия и обреченности. На выборах президента России я голосовал за В. Бакатина, отлично, разумеется, понимая, что победит Ельцин, вызывавший у меня отвращение и ужас.

В августе 1991 г. произошло то, чего я ждал со страхом. Я имею в виду, естественно, не «путч», который и путчем-то не был, а просто какой-то бессильной чепухой, а окончательную победу «демократов». Я решил, что, пока не поздно, пока не ввели новую цензуру, надо как можно больше успеть сказать, и вообще, что настало время, когда надо, не думая о последствиях, броситься под колеса нашей лишившейся управления и начавшей соскальзывать в яму российской телеги. Уже в сентябре 1991 г. я поместил в «Демократической России» и «Независимой газете» ряд статей, говоривших, что победа демократии на самом деле есть ее поражение, что началось движение к новому авторитаризму, на этот раз, очевидно, с националистической идеологической окраской и к войнам между идущими к независимости республиками. По-человечески меня тогда страшно возмутили издевательства, каким подвергался Горбачев, с которым я затем в какой-то мере сблизился.

Оглядываясь сейчас назад, я могу сказать, что понимал многое из того, чего не понимали другие. Но, естественно, не понимал и не понимаю еще больше. Многие мои страхи, слава Богу, оказались преувеличенными и не оправдались. Я не понимал всей мощи номенклатурной олигархии, которая не позволяет установиться по-настоящему авторитарному режиму, приводит к тому, что авторитарно-централистские поползновения новой власти погружаются в олигархическую трясиину. Мне казалось, что «западнический» период нашей эволюции будет относительно коротким и вскоре офици

альной идеологией станет национализм и возрождение имперских традиций. Тенденция к этому, безусловно, есть, но слабее, чем я ожидал. Это связано, очевидно, с тем, что я не понимал, как нужны стремящейся к приватизации олигархии идеология рынка и тесные экономические связи с Западом, являющиеся главным источником новых капиталов. Последствия распада СССР также оказались менее страшными. Я думал, что мы полномасштабно повторим югославский путь, с Украиной, играющей роль Хорватии, и Казахстаном – роль Боснии. Этого не произошло и, Бог даст, и не произойдет.

Перейдя с 1990 г. на современную политологическую проблематику, я решил, что нужно организовать работу так, чтобы в конце концов получилось какое-то единое исследование, работать по плану, а не только реагируя на события. Я всегда был убежден, что логику исторических процессов можно вычленишь, лишь сравнивая аналогичные процессы, идущие в разных формах в разных странах и при разных обстоятельствах. Распадающийся СССР – прекрасное поле для сравнительных исследований, ибо процессы в разных республиках идут от одной институциональной и идеологической системы и вначале в одном ритме, но в разных формах и в значительной мере – к разным результатам. Сопоставление этих процессов очень интересно и позволяет понять как общие закономерности распада коммунистической системы, так и их модификации под влиянием разных национальных культур. Сначала я пытался организовать какую-то коллективную работу, но ничего не получилось и я стал сам «перебирать» республики, пытаюсь понять, что в них происходит.

Российская и «зарубежная» проблематика делят сборник на две части, в каждой из которых работы расположены в хронологической последовательности их написания. Работы публикуются так, как они были изданы, без какой-либо «модернизации».

Я был бы очень рад, если бы они помогли кому-нибудь разобраться в наших сложных процессах. Все мы видим этот мир с какой-то своей индивидуальной перспективы и при этом каждый из нас что-то видит хорошо, а что-то – искаженно или вообще не видит. Я вижу что-то, чего не видят другие и при этом, несомненно, не вижу того, что очевидно для других. Чем больше мы будем узнавать перспективы, точки зрения друг друга, тем объемнее, ближе к истине будет возникающая в наших сознаниях картина.

В заключение я хочу от всей души поблагодарить издательство ФОЛИО, взявшее на себя публикацию сборника, «ЭПИцентр», проведший организационную и составительскую работу, и моего старого, еще с 60-х годов, товарища Юрия Григорьевича Буртина, способствовавшего изданию сборника, несмотря на то /это для меня особенно ценно и приятно/, что наши взгляды далеко не во всем совпадают.